

Vita somnium breve: «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского как площадка для философской дискуссии

Анастасия Илюхина, бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), asilyukhina@edu.hse.ru

Статья посвящена анализу фантастического рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» (1877) через оптику философии И. Канта и Ф. Шеллинга. Акцент сделан на раскрытии понятия «самообожение» и его последствий для человечества. В статье обсуждается дилемма человеческого самосознания: с одной стороны, осознание личности позволяет ощутить индивидуальность, но с другой стороны, приводит к эгоизму – и шире, к вселенскому злу, с позиции Достоевского. «Человекобог» оказывается ниже Бога истинного, до конца не познаваемого, так как рождается из гордыни. Совесть главного героя как часть иррациональной составляющей мира становится для него жизненным ориентиром, исходящим от Бога. В статье рассматривается образ юродивого через призму философских взглядов самого Достоевского, а также образы ребенка, звезды и мотив сна, играющие важную роль в творчестве автора.

Ключевые слова: Самообожение, антиномии, самосознание, иррациональное, Ф.М. Достоевский, мотив сна

Для цитирования: Илюхина А.С. Vita somnium breve: «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского как площадка для философской дискуссии // Метаморфозис. 2023. Т. 8. №1. С. 46-54.

Рассказ «Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского был одним из последних завершенных произведений писателя. В нем отражены философские взгляды, близкие тем, что высказываются в «Братьях Карамазовых», а сам рассказ построен как философское противостояние просветленного юродивого и толпы. Но как именно это обыгрывается в произведении и чьи взгляды более близки к истине, по мнению самого автора?

В самом начале рассказа нас встречает образ большого города Риттера¹. Петербург в данном рассказе, скорее, подан инклюзивно – он как бы вплетен в общую психологическую канву произведения. Начинать делать выводы о как минимум неприветливой городской среде читатель начинает

¹ Риттер И. Большой город // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 1. С. 75–83.

практически сразу – в тот момент, когда рассказчик описывает, насколько он смешон. Само слово «смешной» говорит о восприятии того или иного субъекта или объекта окружающими – именно они наделяют человека или предмет свойством вызывать смех. Таким образом, правильнее говорить о том, что главный герой регулярно подвергается насмешкам, так как даже само осознание своей «смехотворности» вызывает у него негодование и даже гнев. Важно отметить, что рассказчик из «Сна смешного человека» вполне вписывается в парадигму «intellectually agitated loner»², которую описала Е. Черкасова, так как он также вступает в полемику с обществом, однако несколько необычным образом, что будет раскрыто в статье далее.

Также, уже в начале рассказа перед нами предстает образ юродивого, которому одному известна некая истина, но из-за того, что он «смешон», жители города не воспринимают его слова и проповеди всерьез, несмотря на его старания возлюбить ближнего своего³. Этот образ будет детально раскрыт в статье несколько позднее, а пока вернемся к состоянию главного героя до «просветления». Сразу бросается в глаза схожесть с Чулкатуриным из «Записок из подполья»: оба героя, несмотря на свое «смешное» общественное положение обладают недюжинной гордостью и самомнением⁴. Также, по ходу рассказа мы выясняем, что позднее рассказчик стал индифферентно относиться к миру вокруг. Горделивый протест сменился пассивным принятием и, можно сказать, конформизмом по отношению к среде. Т.В. Бузина отмечает в этом аспекте близость взглядов Достоевского и Шеллинга. В «большом городе» отсутствует вера в Бога, т. е. вера в добро и справедливость, поэтому отсутствует и возможность полностью воплотиться для зла⁵. Отсюда берется и гордыня: так как Бога в этом мире не существует, сам человек начинает обожествлять себя. Однако так как человеческое априори не может изменить свою природу и трансформироваться в божественное, самообожение приводит не к обретению смысла жизни или истинной свободе, а к «бесплодным взрывам разрушительной энергии, ни к чему не ведущей и совершенно бесполезной в поиске существования и положитель-

² Cherkasova E. *Dostoevsky and Russian philosophy* // The History of Continental Philosophy. Vol. 2: Nineteenth-Century Philosophy: Revolutionary Responses to the Existing Order. UK: ACUMEN, 2010. P. 88.

³ См., например, «Я бы сам смеялся с ними, — не то что над собой, а их любя, если б мне не было так грустно, на них глядя. Грустно потому, что они не знают истины, а я знаю истину. Ох как тяжело одному знать истину! Но они этого не поймут. Нет, не поймут». *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 120.

⁴ См., например, «...я всегда был так горд, что ни за что и никогда не хотел никому в этом признаться. Гордость эта росла во мне с годами, и если б случилось так, что я хоть перед кем бы то ни было позволил бы себе признаться, что я смешной, то, мне кажется, я тут же, в тот же вечер, раздробил бы себе голову из револьвера». Там же. С. 120.

⁵ Бузина Т.В. *Философия свободы Шеллинга и ее влияние на Ф.М. Достоевского: жажда самообожения как источник зла в мире* // Вестник Бурятского Государственного Университета. 2011. № 10. С. 109–116.

ного»⁶.

Интересно, как в рассказе конструируется образ звездочки на темном ночном небе: если принято считать звезду символом надежды на лучшие времена, то, по словам рассказчика, именно звезда заставила его серьезно задуматься о самоубийстве: «Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее. Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя»⁷. Если не выпускать из головы светлых коннотаций и все равно воспринимать звезду как символ надежды, то в итоге мы получим крайне неутешительную и печальную картину. Ничто в этом мире уже не сможет измениться к лучшему, а потому единственным и лучшим для рассказчика способом найти выход из этого мрака будет умереть. Фактически, звездочка на небе подталкивает героя к совершению дьявольского, греховного поступка – самоубийству. Стоит также отметить, как рассказчик не решается покончить с собой на протяжении двух месяцев из-за несменяемости событий вокруг. Кажется, он убежден, что самоубийство – это действие, для совершения которого требуется повод весомее, чем гнетущая повседневность, и к которому требуется тщательная подготовка. Более того, рассказчик видит в этом главном христианском грехе свое спасение. В то же время враждебно настроенный мир настолько сильно привязал его к себе и утопил в однообразной реальности, что рассказчик попросту не мог решиться на этот поступок.

Тем не менее, как мы узнаем дальше, звездочка может олицетворять не только темную идею о самоубийстве, но и нечто противоположное. Заметим, что, пока рассказчик смотрел на ночное небо, его за локоть схватила плачущая девочка, и именно она впоследствии уберегла его от самоубийства: «Я как бы уже не мог умереть теперь, чего-то не разрешив предварительно. Одним словом, эта девочка спасла меня, потому что я вопросами отдалил выстрел»⁸. Таким образом, звезда сочетает в себе сразу две противоположные сущности: одна из них ведет к смерти, а другая – напротив, к жизни, одна воплощает идеи разрушения, а другая – созидания. Это наталкивает на мысли о кантовских антиномиях⁹, когда одно понятие сочетает в себе два совершенно противоположных свойства, которые, тем не менее, продолжают сосуществовать. Вероятно, это использовано в качестве

⁶ Бузина Т.В. Философия свободы Шеллинга и ее влияние на Ф.М. Достоевского: жажда самообожения как источник зла в мире // Вестник Бурятского Государственного Университета. 2011. № 10. С. 114.

⁷ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Л.: Наука, 1995. С. 122.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. М. Владиславлева. СПб.: Типография Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова) В. О., 1867.

художественного приема Ф.М. Достоевским для того, чтобы продемонстрировать всю комплексность и противоречивость человеческой природы. К ассоциациям с Кантом также подталкивает следующий отрывок: «Можно сказать даже так, что мир теперь как бы для меня одного и сделан: застрелюсь я, и мира не будет, по крайней мере для меня. Не говоря уже о том, что, может быть, и действительно ни для кого ничего не будет после меня, и весь мир, только лишь угаснет мое сознание, угаснет тотчас как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания, и упразднится, ибо, может быть, весь этот мир и все эти люди — я-то сам один и есть»¹⁰. Этот фрагмент может служить своего рода манифестом субъективности мировосприятия человека, детерминирующей окружающий мир в рамках собственного «я». Именно она, как у Достоевского, так и у Шеллинга, завязывается в своеобразный Гордиев узел. С одной стороны, осознание себя как личности дает возможность ощутить себя индивидуальностью, но с другой — приводит к тому, что человек превращается в ревностно защищающего свою самость эгоиста — становится одержим собой, а его чрезмерная гордыня в итоге приводит к вселенскому злу.

Схожим антиномичным примером в рассказе может послужить и любовь. С одной стороны, мир идеальных людей является таковым благодаря чистой и непорочной любви, но с другой, рассказчик считает источником всех бед сладострастие, что также является подвидом любви. Таким образом, можно сказать, что любовь сочетает в себе сразу две противоположные сущности, но то, какой именно она предстанет перед читателем, зависит исключительно от видения рассказчика. Это подчеркивает субъективность восприятия реальности главным героем. Он не способен постигнуть обоженную, совершенную любовь, которую питают друг к другу жители идеальной Земли, и потому он, сам не понимая, каким образом, «развращает» их и сводит любовь божественную к привычной для него категории любви искаженной, грехоупаднической. Подтверждает эти слова и вывод, сделанный И.И. Евлампиевым¹¹: «Герой рассказа отторгает то гармоничное состояние, в котором они [жители идеальной Земли] пребывают, поскольку он предчувствует, что в нем невозможна привычная ему земная любовь». При этом важно отметить, что рассказчик считает религию только следствием несовершенства мира¹², и для него первостепенную значимость имеет «природная» вера, исходящая из самого сердца, что отчасти отсылает нас к философии Руссо.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Л.: Наука, 1995. С. 124-125.

¹¹ Евлампиев И.И. Русская литература о грядущем совершенстве человека (В. Одоевский — Ф. Достоевский — А. Платонов) // Отечественная философская мысль. 2015. № 4. С. 37-49.

¹² См., например, «Для приобретения всего прибегалось к злодейству, а если оно не удавалось — к самоубийству. Явились религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве». Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 135.

Теперь следует перейти к обсуждению мотива сна, так как он здесь играет далеко не последнюю роль. Как отмечает сам рассказчик, «сны, кажется, стремится не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда мой рассудок во сне! Между тем с ним происходят во сне вещи совсем непостижимые»¹³. В этом отрывке выражается иррациональная природа снов, неподвластная полному упорядочению рассудком из-за своей «непостижимости». Важно, что рассказчик отделяет чувственное (сердце) от разумного (рассудок), так как, как впоследствии выяснится, у них обнаружатся прямые параллели с человеческой природой и человеческой волей соответственно. Здесь можно усмотреть своеобразное согласие между взглядами Достоевского и Канта: как для второго «трансцендентальный идеал», т. е. Бог, есть идея «высшей разумности»¹⁴, которую при всем желании не может постичь человеческий разум, так и для рассказчика из «Сна смешного человека» трансцендентальное надделено иррациональными, не поддающимися объяснению чертами. Более того, именно это иррациональное способно изложить «Истину». Окружение рассказчика отнеслось крайне скептически к его сну, в особенности – к возвещению истины¹⁵, что показывает их как людей, верящих в абсолютную рациональность и упорядоченность мироустройства. Это делает их идеальными жителями «большого города» Риттера, постулирующими вселенскую механистичность и стройность, а также, если перейти на уровень выше, безграничность возможностей человека. Эти жители могут сопоставить себя с Богом и, более того, так как истинного Бога в их мире не существует, они сами обожествляют себя, т. е. искусственно возводят до божественного уровня. Интересно, что исследователь Паоло Стеллино видел в этом близость взглядов Достоевского и Ницше, который им, по мнению Стеллино, отчасти вдохновлялся¹⁶. Как Ницше возвещает о рождении сверхчеловека, так и в произведениях Достоевского появляется «человекобог» (например, Кириллов из романа «Бесы» или Родион Раскольников из «Преступления и наказания»). Тем не менее, у Достоевского «человекобог» все же оказывается ниже Бога истинного, так как рождается зачастую из чувства собствен-

¹³ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Л.: Наука, 1995. С. 126.

¹⁴ См., например, «Разумъ естественно приходитъ къ представлению всеобъемлющаго предмета, какъ суммы всякой возможности, т. е. къ трансцендентальному идеалу, который есть источникъ всѣхъ вещей и ихъ причина. Мы надѣляемъ его затѣмъ реальными чертами, олицетворяемъ и дѣлаемъ изъ него личность. Этимъ путемъ мы приходимъ къ идеѣ Бога, какъ высшей разумности». Кант И. Указ. соч.

¹⁵ См., например, «Они дразнят меня теперь тем, что ведь это был только сон. Но неужели не все равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину?» Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 126.

¹⁶ См., например, «The pursuit of this approach serves the hermeneutic aim of clarifying and explaining Nietzsche's understanding and philosophical interpretation of Dostoevsky's works». Stellino P. Nietzsche and Dostoevsky: On the Verge of Nihilism. Bern: Peter Lang, 2015. P. 18.

ной гордыни и стремления уязвленной личности реабилитировать себя от нападков общества.

Исходя из всего вышесказанного, следует, что конфликт между маленьким человеком и толпой выходит на новый уровень – уровень конфликтов мировосприятия. Как отмечает Г.С. Померанц, «подобно самому Достоевскому, Смешной человек разрывается между умом сердца, устремившимся навстречу целостной истине, и умом дробящим, который целостность не способен вместить. Этот дробящий ум вносит в жизнь планеты свои законы, и духовное целое рушится»¹⁷. Выражаясь терминами данного исследователя, на идеальной Земле люди не знают о том, что можно созерцать мир не «сердцем» – и потому жизнь для них похожа на райский сад, жители «большого города» отвергают все природное и духовное, и потому все для них конечно и познаваемо. Однако рассказчик находится на перепутье: он понимает, что существует нечто высшее, что его разум неспособен познать, и все же он не оставляет попыток это сделать. Этот аспект прокомментировал в своей работе «The Philosophical System of Dostoevsky (an Attempt of Reconstruction)» исследователь Трайче Стоянов, сделав интересный вывод о «нездоровости» жизни с точки зрения рационализма¹⁸.

Примечателен в рассказе и используемый образ ребенка. Так, к примеру, «идеальные люди» достаточно часто сравниваются рассказчиком с детьми, а уже упомянутая девочка выступает в роли спасителя главного героя. Дело в том, что для Ф.М. Достоевского ребенок выступает в качестве идеала чистоты и незапятнанности сознания. Ребенок не задумывается о том, конечен мир или нет, возможно ли полностью познать вселенную и способен ли человеческий разум хотя бы отчасти приблизиться к разуму божественному. Напротив, его мироощущение, скорее, интуитивно, и он представляет собой наиболее приближенное к восприятию божественной истины существо. Более того, Ю.Ф. Карякин полагает, что сквозной для творчества Ф.М. Достоевского образ девочки воплощает в себе «образ вселенской беды, образ греха, над нею сотворенного, образ совести»¹⁹, и, по его мнению, именно совесть в конечном итоге не дает рассказчику покончить жизнь самоубийством. Так, совесть заставляет его чувствовать себя виноватым после того, как он грубо обошелся с девочкой на улице, совесть мучила его, когда

¹⁷ Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. // fedordostoevsky.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/creation/050/> (Дата обращения: 22.12.2022).

¹⁸ Речь о цитате: «Reason is not reconciled with the fact that it cannot cross the wall, and any attempt to cross it epistemologically unsuccessful, and anthropologically fatal. The final conclusion is as follows: from the standpoint of rationalism it is impossible to put life on a healthy basis». Stojanov T. The Philosophical System of Dostoevsky (an Attempt of Reconstruction) // [Academia.edu](https://www.academia.edu) [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/10888909/Three_pillars_of_Dostoevskys_philosophy (Дата обращения: 22.12.2022).

¹⁹ Карякин Ю.Ф. Я видел истину... // Достоевский. Очерки [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/biography/033/03/> (Дата обращения: 22.12.2022).

идеальная Земля оказалась развращена им же, и совесть в конечном итоге стала для него жизненным ориентиром, излагающим божественную волю.

Подводя итоги, следует сказать, что рассказ «Сон смешного человека» представляет собой крайне интересную дискуссию, отражающую философские взгляды на жизнь самого Ф.М. Достоевского. Так, он выдвигает на первый план неразрешимую дилемму человеческого самосознания и ставит под вопрос возможность человеческого самобожества, а также воцарения в мире нового человекобога. И все же, если человек никогда не сможет полностью постичь небесную любовь и встать на одну ступень с небесным идеалом, зачем ему верить во что бы то ни было? Ответ на этот вопрос дает сам рассказчик: «Ну и пусть сон, и пусть, но эту жизнь, которую вы так превозносите, я хотел погасить самоубийством, а сон мой, сон мой, – о, он возвестил мне новую, великую, обновленную, сильную жизнь!»²⁰.

Литература

Бузина Т.В. Философия свободы Шеллинга и ее влияние на Ф.М. Достоевского: жажда самообожения как источник зла в мире // Вестник Бурятского Государственного Университета. 2011. № 10. С. 109–116.

Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Л.: Наука, 1995.

Евлампов И.И. Русская литература о грядущем совершенстве человека (В. Одоевский – Ф. Достоевский – А. Платонов) // Отечественная философская мысль. 2015. № 4. С. 37–49.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. М. Владиславлева. СПб.: Типография Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова) В. О., 1867.

Карякин Ю.Ф. Я видел истину... // Достоевский. Очерки [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/biography/033/03/> (Дата обращения: 22.12.2022).

Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. // [fedordostoevsky.ru](https://fedordostoevsky.ru/research/creation/050/) [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/creation/050/> (Дата обращения: 22.12.2022).

Риттер И. Большой город // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 1. С. 75–83.

References

Buzina T.V. *Filosofiya svobody Shellinga i ee vliyanie na F.M. Dostoevskogo: zhazhda samoobozheniya kak istichnik zla v mire* [Schelling's Philosophy of Freedom and Its Influence on F.M. Dostoevsky: A Thirst for Self-Healing as

²⁰ *Достоевский Ф.М.* Сон смешного человека // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Л.: Наука, 1995. С. 126.

the Source of Evil in the World]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. N. 10. P. 109-116 (in Russian).

Cherkasova E. Dostoevsky and Russian philosophy // *The History of Continental Philosophy. Vol. 2: Nineteenth-Century Philosophy: Revolutionary Responses to the Existing Order*. UK: ACUMEN, 2010. P. 85–101.

Dostoevsky F.M. Son smeshnogo cheloveka [The Dream of a Ridiculous Man], in *Sobranie sochineniy: v 15 t. T. 14* [Works in 15 vols. Vol. 14]. Leningrad: Nauka Publ., 1995 (in Russian).

Evlampiev I.I. Russkaya literatura o gryadushem sovershenstve cheloveka (V. Odoevskiy – F. Dostoevskiy – A. Platonov) [Russian literature about the coming perfection of man (V. Odoevsky - F. Dostoevsky - A. Platonov)]. *Otechestvennaya filosofskaya mysl'*. 2015. N. 4. P. 37–49 (in Russian).

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der Reinen Vernunft], transl. from Germ. by M. Vladislavlev. Saint Petersburg: Tipografiya N. Tiblena i Komp. (N. Neklyudov) V.O. Publ., 1867 (in Russian).

Karyakin Yu.F. Ya videl istinu... [I saw the truth...]. *Dostoevskiy. Ocherki* [Electronic resource]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/biography/033/03/> (Date of access: 22.12.2022).

Pomerants G.S. Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim [Openness to the Abyss. Meetings with Dostoevsky]. *fedordostoevsky.ru* [Electronic resource]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/creation/050/> (Date of access: 22.12.2022).

Ritter I. Bol'shoy gorod [The Big City]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*. 2022. Vol. 7. N. 1. P. 75–83 (in Russian).

Stellino P. *Nietzsche and Dostoevsky: On the Verge of Nihilism*. Bern: Peter Lang, 2015.

Stojanov T. The Philosophical System of Dostoevsky (an Attempt of Reconstruction). *Academia.edu* [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/10888909/Three_pillars_of_Dostoevskys_philosophy (Date of access: 22.12.2022).

“The Dream of a Ridiculous Man” by F. M. Dostoevsky as a platform for philosophical discussion

Anastasia Ilyukhina, bachelor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), asilyukhina@edu.hse.ru

The article is devoted to the analysis of F. M. Dostoevsky’s fantastic story «The Dream of a Ridiculous Man» (1877) through the optics of the philosophy of I. Kant and F. Schelling. The emphasis is placed on the disclosure of the concept of «self-worship» and its consequences for humanity. The article discusses the dilemma of human self-consciousness: on the one hand, awareness of personality allows to feel individuality, but on the other hand, it leads to egoism - and more broadly, to universal evil, from the position of Dostoevsky. The «man-God» turns out to be lower than the true God, not fully cognizable, since it is born out of pride. The conscience of the protagonist as part of the irrational component of the world becomes a divine life guide for him. The article also examines the image of the holy fool through the prism of the philosophical views of Dostoevsky himself, as well as images of a child, a star and a dream motif that play an important role in the author’s work.

Keywords: Self-worship, antinomies, self-consciousness, irrational, F. M. Dostoevsky, the motif of sleep

For citation: Ilyukhina A.S. (2023) “The Dream of a Ridiculous Man” by F. M. Dostoevsky as a platform for philosophical discussion // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 1. P. 46-54.